

А в Новоспасском снег идёт,
 Как будто музыка плывёт
 Над возрождённой усадьбой,
 И сладко грезится: село,
 Не зная горя, весело
 Гремит крестьянской поздней свадьбой.

И вековой церковный крест,
 И красота дубрав окрест
 Хранят истоки прежней силы.
 И высится дуплистый дуб,
 Связавший времена, как пуп
 Былинной матушки-России.

Какие были времена!
 Всё золотые имена:
 Вселенский Пушкин, горный Глинка.
 Священный русский долг – беречь
 Родную музыку и речь,
 Не омрачив Христова лика.

ШИШКИ ИЗ ФЛЁНОВА

Горсть шишек я из Флёнова привёз,
 Как памятку о вызревших там мыслях.
 Прольёшь немало безутешных слёз,
 Душою обитая в вышних высях.

В одной руке со шляпой и с зонтом,
 В другой, как с тростью, медная княгиня
 Стоит недвижно перед Теремком.
 Ах, Тенишева, помнит ли чужбина?

Хотела счастья всем; детей крестьян
 И грамоте учила, и искусству.
 В благих надеждах выстроила храм
 Святого Духа, доверяясь чувству
 Божественности Рериха; на нас
 Сквозь камешки мозаики фронтальной
 Из вечности Нерукотворный Спас
 Смотрит проникновенно и печально.

Да вот чужбина... Франция всегда
 Казалась русским отраженьем рая.
 Но разве не духовная беда –
 Жить вдалеке от родины, врасая
 Не в райское цветение, а в боль
 Гонимого по свету эмигранта,
 Когда неразделённая любовь
 С Отчизной хуже ада для таланта?
 Так шишки вызревают на сосне,
 Готова семя к дальнему полёту.
 Но, не успев раскрыться в вышине,
 Срываются на землю в непогоду.

И семена их гибнут в заточенье...

И всё же вышний замысел не в том,
 Чтобы исчезнуть на земле бесследно,
 Когда всей жизнью воздвигаешь дом,
 В котором красота души нетленна.

Раскрывшиеся шишки на столе
 Перебираю я со светлой грустью.
 Хранимы Богом на родной земле
 Места, где веет достославной Русью.

...Здравствуй, здравствуй,
родная Сторона. И – прощай!..

*Александр Твардовский,
«Поездка в Загорье», 1939 г.*

Я сбрасывал скорость, смиряя машину
И веря в шофёрский рефлекс,
Когда на обочину, как в мешковину
Беды, нас выталкивал снег.

Никто по пути на глаза не попался.
Стужалась душевная хмарь.
На снежную даль горизонт опирался,
Безлюдную, мёртвую даль.

Ах, вот ты какое, российское горе!
Вражинам могучий оплот.
В глубоких снегах утопает Загорье,
Как в веяньях века народ.

Хранитель Татьяна в музейной сторожке
Предложит чайку и блинов.
А мысли бегут уж по белой дорожке
На хутор – оплот кулаков.

Заходишь в избу, пригибаясь, с крылечка.
Да разве здесь жил богатей?!
В ней самое ценное – русская печка,
Протопленная для гостей.

Всё вроде обычно, как водится, в хате.
Но вот оно Время: на вас
Печально глядит из угла Богоматерь,
А рядом красуется Маркс.

Сюда бы наладить большую дорогу,
Настроить домов и церквей,
Чтоб ехали, ехали люди к истоку
Свободы и веры своей!

За елями тихо о чём-то берёзки
Сосульками веток звенят,
Как будто бы в кузнице Трифон Твардовский
Встречает Восход и Закат.

Здесь песня свободы таится в колодце,
А сердце России – в стогу.
Народной надежды бессмертное солнце
Мерцает огнём на снегу.

И в новой эпохе стоит, не смутьяном –
Пустующим храмом полей,
Бревенчатый памятник русским крестьянам,
Мечтавшим о вольной земле.

Пение птиц – старины отголоски.
В горькую думу уводит большак.
Вижу, по Входам идёт Исаковский.
Рядом Твардовский.

Ровен их шаг.

Слышу, толкуют о доле крестьянской.
Скорбь неземная сквозит в голосах.
– Сколько сельчан полегло на «гражданской»!
– Да... а потом и в сибирских лесах.

Ветром гудит старый дом у дороги.

Речкой Угрой небосвод полонён.

– Саша, да что же случилось в итоге!?

– Слышишь, Михвась, грозный рокот времён?

– Разве напрасен был подвиг солдата,

Кровь проливавшего за Будапешт?..

– Даль, что за далью светилась когда-то,

В людях померкла, – мало надежд ...

– Нового времени я не приемлю.

Где тут угоды? А где сельсовет?..

– Тёркин с Небес не вернулся на землю.

Может, и лучше устроен тот свет...

– В грязь нас давили немецкие танки.

Жгли деревнями, в печах, как дрова...

– Да... победили торговцы и банки...

Да... покорили обманом слова...

Стало чуть слышно... Колышутся души,

Преображаются в белый огонь.

А в облаках льётся песня Катюши.

Тёркин Василий поёт под гармонь.

ВЕНЧАНИЕ В ОВСТУГЕ

Туман и зябкий ветер во дворе

Не обещали ясную погоду.

Но чудно выпадают в октябре

Деньки благому солнышку в угоду.

Сияло так, как будто бы часы

Природы сбились в солнечном загуле

И жало заблудившейся осы

Их стрелки пригвоздило на июле.

Благой денёк нам выпал на Покров!

Улавливалось тайное звучанье

Невидимых живых колоколов,

Благословлявших позднее венчанье.

Светились для меня твои глаза,

Как в космосе Земля для космонавта.

И приняли в объятя Небеса,

Открылось нам неведомое завтра.

Из церкви вышли в образах людей,

И солнце нас повторно обвенчало.

Мы отразились в паре лебедей,

Шагающих к усадьбе величаво.

Смеялись добрым шуткам и у ног
Поэта легкокрыло обнимались.
Один лишь он был недвижимо строг,
Когда для фотографии снимались.

Вдруг вспомнилось: «...коснётся ль благодать
Моей души болезненно-греховной...»

И захотелось вновь тебя обнять
Под дуновенье нежности духовной.

Я думал, Тютчев в парке сквозь века
Не может наглядеться на усадьбу.
А он глядит нам в души –
Как река
на облака,
Как Бог на нашу свадьбу.

* * *

Зачем я пришёл в этот дом деревянный,
Прибитый к Елабуге ржавым гвоздём
На горке у Камы, где чёрт окаянный
Из белого камня построил свой дом?

По улочкам тихим гулял бы да слушал,
О чём говорят повстречавшись века,
Каким просветлённым елабужским душам
Подобны плывущие вдаль облака.

А здесь, где на окнах белы занавески,
Но скрип половиц умерщвлён на гвоздях,
Я выгляжу праздным туристом – смоленским, –
Как, впрочем, мы все у музеев в гостях.

Я много уж лет убегаю от клетки,
Стесняющей душу, я продал свой дом,
В котором мой свет смертью сына пометил
В созвездьях людей неземной астроном.

Нельзя, чтобы прошлое сплюсненной пулей
Застряло у сердца, а коль уж пришлось
Столкнуться со смертью в её карауле,
То пусть будет чёрная рана насквозь.

Пусть будет, как это случилось с Мариной.
Прохожий зайдёт, молча снимет с гвоздя,
Прикроет лицо мертвеца мешковиной
И взгляда не бросит назад, уходя.

Пусть будет навеки условной могила,
И пусть отпевают священники вслед,
Как будто у слова – загробная сила,
Как будто запрета духовного нет.

Когда бы ты знала, Марина! Марина,
В расцвете погиб, как и твой, мой сынок.
Нам собственной смертью не выкупить сына
У той, что за каждым приходит в свой срок.

Бессмертных людей не бывает на свете.
Все сроки всегда и для всех коротки.
Равны перед смертью поэты и дети.
Бывают бессмертными только стихи.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Жить всё прискорбнее с годами,
Асфальт толкая из-под ног.
Звезда полей над городами –
Потухший русский огонёк.

Ещё в ночи заблудший странник,
Ища тропинку сквозь пырей,
Заметит в небе отблеск странный,
Отыщет след звезды полей.

Ложится нежно на берёзки,
Освобождает от оков
Угасшей жизни отголоски
И тени грешные веков.

Ещё на отмершем погосте
Напоминает о звезде,
Как мироточит слабый отсвет
На металлическом кресте.

Ещё, когда нежданно вьюга
Помянет в голос снежный век,
Глазами радостного друга
На свет звезды искрится снег.

Остатний свет былого мира!
Жар-птица счастья без гнезда!
А раньше Родине светила
Как путеводная звезда.

СМОЛЕНСКАЯ ДОРОГА

До Судного чертога
Доводит от земли
Смоленская дорога,
Дорога на крови.

А вдоль – курганы-знаки
Дорогу сторожат.
В них гордые поляки
С литовцами лежат.

И немцы, и французы...
Несчётно пало их:
И мальчигов безусых,
И воинов седых.

Весенний Днепр глубоко
Скрывает берега.
Смоленская дорога
Бездонна для врага.